

The background of the cover is a painting of a sunlit path lined with trees with golden-yellow autumn leaves. Several butterflies are depicted in flight. In the lower center, a person is seen from behind, sitting on a dark wooden bench and looking down the path. A large, semi-transparent white shape, resembling a stylized letter 'A' or a wing, is positioned on the left side of the cover, partially overlapping the text.

Владимир Ладченко

Светлые
Аллеи

Владимир Ладченко

Светлые аллеи (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6982027
Светлые аллеи / Владимир Ладченко: Книжкин Дом; Москва;
ISBN 9781310975141

Аннотация

Человек я впечатлительный и эта впечатлительность впечатляет. Меня всю дорогу преследуют житейские бури. Для людей стойких – это лёгкий освежающий ветерок, придающий пикантность и обаяние их жизни. Для меня жестокий смерч, помноженный на цунами, после которых я долго не могу внятно думать о чем-нибудь другом. Я до сердцебиения ненавижу какие-то переезды, изменения в судьбе. И наверно поэтому жизнь моя, вопреки усилиям, состоит из одних злополучных переездов и изменений в непонятную сторону. Я сменил уйму адресов и квартир, жил с различными гражданками в браке и без, восторгался их вторичными половыми признаками, гладил по голове чужих детей, но благодаря сволочному характеру нигде не приживался. Жизнь давала очередной пендель и, подталкиваемый ненавистью, я уходил дальше, дальше. Туда, где меня еще не знали. Но все эти передвижения с чемоданом по пересеченной дорогами и домами местности носили узкий местечковый характер. Я менял города и населённые пункты,

иногда жил в пунктах и ненаселённых, но границ области не пересекал...

Содержание

Светлые аллеи	5
Возвращение к истокам	5
Телевизор сломался	10
Весёленькое дело	13
Слеза комсомолки	18
Ностальжи	23
О, спорт!	26
Анджело	32
Самый красивый	43
Больная тема	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Владимир Ладченко

Светлые аллеи. Сборник

Светлые аллеи

Возвращение к истокам

Человек я впечатлительный и эта впечатлительность впечатляет. Меня всю дорогу преследуют житейские бури. Для людей стойких – это лёгкий освежающий ветерок, придающий пикантность и обаяние их жизни. Для меня жестокий смерч, помноженный на цунами, после которых я долго не могу внятно думать о чем-нибудь другом. Я до сердцебиения ненавижу какие-то переезды, изменения в судьбе. И наверно поэтому жизнь моя, вопреки усилиям, состоит из одних злополучных переездов и изменений в непонятную сторону. Я сменил уйму адресов и квартир, жил с различными гражданками в браке и без, восторгался их вторичными половыми признаками, гладил по голове чужих детей, но благодаря сволочному характеру нигде не приживался. Жизнь давала очередной пендель и, подталкиваемый ненавистью, я уходил дальше, дальше. Туда, где меня еще не знали. Но все эти передвижения с чемоданом по пересеченной дорогами и дома-

ми местности носили узкий местечковый характер. Я менял города и населённые пункты, иногда жил в пунктах и нена-селённых, но границ области не пересекал.

И вот однажды дура-судьба забросила меня снова жить на родину. Так называемую малую родину-район города, где я родился, вырос и отчасти перерос. Где была зарыта моя пуповина. Человек я не сентиментальный, поэтому лет 20 сюда не заглядывал, меня и не тянуло, и вот как блудный сын появился. Болел я в ту пору гриппом и поэтому вопреки традиции вместо слёз на моем лице блестели сопли.

«Это хорошо, – светло думалось мне, – вернусь к истокам. Успокоятся нервы, нормализуется сон и аппетит (станет меньше). Поживу, отдышусь, судьба моя утихомириться и будет мне счастье, простое обывательское тихое счастье без всех этих мексиканских выкрутасов.» Закинув чемодан в комнату, я первым делом совершил экспресс-экскурсию по родной, но уже малознакомой улице. И естественно впечатлился. Всё было каким-то маленьким и плюгавеньким до от-вращения. Дом, где я родился (родился-то я в роддоме, но так говорится) выглядел, как после удачного миномётного обстрела. Был он убог, непригляден и весь потрескался, как переспелый арбуз. А может трещины оттого, что его распи-рало от возмущения – почему не сносят? Весь его вид пря-мо-таки взывал о сломе. Высоко на стене всё также красо-валась идиотская жестяная табличка, белой краской гласив-шая:

«В этом доме все школьники учатся на хорошо и отлично». В мою бытность здесь жили одни двоечники и активные лоботрясы, но лживая табличка и тогда висела. Какой мудака её повесил? Сейчас у дома была такая аура, что дети в нём жить просто не могли, одни старики и старухи доживали отпущенное. Я хотел постоять ещё, может быть даже всплакнуть, но вышла какая-то баба с помоями и мне пришлось уйти.

Всё было не так. И особенно потрясла меня дорога – главная транспортная артерия нашего района. В детстве она казалась просторным проспектом, таким скоростным хай-веем, по которому я так любил гонять на своём задроченном велосипеде. А на деле это была неряшливая, синусоидальная, а местами трамплинами просёлочная дорога без всяких примесей асфальта. Но я готов поклясться, что раньше на ней был асфальт, а сейчас его почему-то нет. Да и тротуары куда-то подевались. Вот она абберация памяти! Обескураженный, я обошёл клуб, построенный в натужном сталинском стиле; огромную двухэтажную баню, оказавшуюся почему-то одноэтажным приземистым домиком; магазины, похожие на сельпо на чабанской точке, покурил на берегу обмелевшей реки и от чего-то загрустил. Всё было мрачно, суро и непоправимо. Район напоминал обанкротившегося человека. Обанкротившегося давно и навсегда. И даже не пытающегося это скрыть от общественности. А может это казалось из-за стоящего на улицах, как в халтурном фильме

ужасов, тумана.

Встречались и местные жители. Поседевшие от скуки старики и старухи с молочными бидончиками, гнусного шелудивого вида мужики с опухшими прожжёнными лицами, усыпляюще одетые женщины, некрасивые и невкусные и все почему-то с синяком под левым глазом. Впрочем, попадались с синяком мужчины. Детей я так и не увидел. Резервация для стариков и неудачников.

Каждый мужик монотонно спрашивал закурить, а после с надрывом 20 копеек, аргументируя это тем, что «болеет, как собака». Чем они болеют, они не уточняли. Лишь один, наиболее продвинутый, спросил полтинник и на лекарство. Я хотел ему дать, но он почему-то упал и больше не поднялся.

У очередного магазина я встретил одноклассника Саньку. Одет он был в стиле «разоблачённый диверсант», стоял на костылях и тоже «болел, как собака». Я купил ему «красненькую» и мы с ним немного посидели на заснеженной лавке. Он рассказывал, время от времени, как к материнской груди, припадая к горлышку бутылки, а я его слушал. Все мои ровесники еще до 40 лет безвозвратно умерли от водки. Кто отсюда уехал, те живы. Кто остался, тот умер. Видимо плохая геомагнитная зона.

– Беги отсюда. Хочешь жить, беги! Жопу в горсть и мелкими скачками! – на прощание сказал он мне.

И я, собрав чемодан, позорно бежал со своей родины. Бе-

жал всё дальше и дальше, прячась от пугающей жизни.

Телевизор сломался

У меня сломался телевизор. На одном канале всё мельтешило, на другом всё двоилось. Третий не показывал вообще. При первом же удобном случае я зашёл в бюро по гарантийному ремонту. За столом приёма заказов сидел мужик в промасленной кепке, но при галстуке и листал порнографический журнал.

– Вот, – сказал я, стараясь держаться за панибрата, – телевизор сломался.

– Что с ним? – нехотя поинтересовался мужик.

– Мельтешит и двоится, – по-военному чётко, чтобы не утомлять, доложил я.

Мужик задумался. Думая, закурил. Потом его лицо озаорила какая-то догадка и он спросил.

А ты его не пробовал трезвым смотреть?

Эта простая мысль мне как-то не приходила в голову.

Не пробовал, – честно сказал я.

– А ты попробуй. У меня один раз точно так же было. Так что проверь трезвым. Если не поможет, завтра приходи.

Проверить трезвым у меня не получилось. Не метеор же я в конце концов. Пришёл я только через неделю. Мужик был на месте, только вместо кепки на голове у него лежал необмятый хабзайцевский беретик.

– Ну, как успехи? – узнавая меня, спросил он.

Вы знаете, не совсем, – сказал я – Трезвым тоже мельтешит и двоится.

Ко всему прочему и цвета пропали.

Цвета – это плохо, – мужик осуждающе посмотрел на меня.

Он опять закурил и, уставившись в стол, нервно забарабанил по нему пальцами.

– А телевизор не «Радуга» случайно?

– По-моему «Радуга» – начал вспоминать я – А какая разница?

– Эх ты, голова садовая! – воодушевляясь, мужик ударил беретиком по столу – Пойми, если телек твой «Радуга» – тогда всё понятно. Ведь уже четыре дня дождя нет, вот оно и вышло.

– Простите, не улавливаю.

– Не улавливает он, – весело и снисходительно покачал головой мужик и объяснил, как двоечнику: – На радуге когда цвета появляются? Правильно, после дождя. Когда дождик будет, тогда и цвета будут. Так что, иди домой, жди осадков и постарайся трезвым.

Несколько ошарашенный от услышанного я направился домой ждать дождя. Как по заказу к вечеру с неба закапало. Скептически улыбаясь, я включил телевизор. На экране начал медленно появляться цвет. «Чертовщина какая-то» – подумал я. И стараясь сохранять хладнокровие, взял зонтик

и пошёл в ларёк.

Весёленькое дело

Жара огненным утюгом придавила наш маленький хитромудрый город. Солнце в небе нерушимо, как жар-птица, сидящая на яйцах. Женщины ходят в топиках, с развратно оголёнными таинственными пупками, в этих плотно обтекающих ноги джинсах. В них они выглядят обнажённое, чем без них. Ты сгораешь, а разденешь – ничего особенного, те же складки, те же прыщи. Одежда пудрит мозги.

Вот ещё одна прошла, воинственно размахивая задницей. Провожая её ощупывающим взглядом. Куда интересно они ходят? И, главное, качество лица заметить буквально не успеваешь. Пока смотришь на чуть припухлый обаятельный животик, потом взглядом тонкого ценителя толстых жоп лобуешься последней, она уже прошла, оставив тебя с мечтой. То есть ни с чем.

«Сегодня же кого-нибудь изнасилую,» – твёрдо решил я. И вечером, когда жара стала не так пристальна, я, тоскуя по этим мягким животам, снял с карточки последнюю деньгу и по компасу, который был в штанах, пошёл за проституткой. Но, увы, моей звезды как обычно не было на небосклоне. Все весёлые девчонки оказались в разъездах. Поздно я появился. В машине сидела только одна, похожая на переболевшую менингитом слониху, да ещё ко всему хорошо беременная. Так сказать экзотика на любителя. Она гнусно улыбалась слож-

ной постменингитной улыбкой и курила вонючую самокрутку. Само собой в дупелину пьяная. Может быть где-то в глухих и диких деревнях Нечерноземья она бы и имела благодаря мясистой внешности какой-то сомнительный успех, но только не здесь.

«Чёрт знает что! – страстно и уныло подумал я – и вот это у нас называется сервис. Да я её даже в голодный год за ведро пельменей не соглашусь.» Боже, как я был самонадеян!

Стараясь поскорее забыть единодушное остроумие циничных таксистов, я с опущенной гривой поплёлся домой. От расстройства пошёл на предыдущую квартиру, совершенно забыв, что уже снимаю новую.

Дойдя до 7-го этажа, пришлось разворачиваться и идти в противоположный конец города. Но торопиться мне уже было некуда. Я, экономя каждый шаг, шёл в сумерках по медленно остывающим, как сваренная картошка в мундире, улицам и размышлял бог весть о чём. Хихикали звёзды, искал себе местечко отдохнуть ветер, с театральным надрывом светила толстомордая луна, а я стоял и пил прохладное, как лоб покойника, пиво и выпил две кружки. Пиво-то я в принципе терпеть не могу, а пил его из чувства садомазохизма. Типа, пусть мне будет хуже. Но мне стало почему-то лучше и, слегка воскреснув, я продолжил свой путь.

А на квартире у нас еще не спали. На затараканенной и замусоренной кухне сидели, склоняясь, как над шахматной доской, над бутылкой коньяка мой сожитель Андрей и – о

Иисус! – та самая беременная и больная кретинизмом проститутка. Это было настолько невероятно, что я испугался. И когда мой сожитель успел? Чертовщина и булгаковщина какая-то.

Красиво драпируясь в свои семейные трусы, Андрей уже весело засыпал. Проститутка была голой, как сабля. Чудовищные жопные мышцы могли свести с ума любого впечатлительного человека. Как два повешенных за государственную измену декабриста, безвольно висели её натруженные и понурые груди. Туго натянутый живот был липким от лимонадов, слюней и спермы. Делать нечего. Вздыхая, как нищий, я обнял её за могучие плечи и, помогая переставлять чугунного литья ноги, повёл в спальню. Знать судьба. Всю ночь я, как воробей на баобабе, прыгал на ней и изгалялся. Периодически просыпался Андрей и, пугая стариков-соседей, задушевно пел на луну свои грозные вурдалачьи песни без слов. Впрочем, мелодия в них тоже отсутствовала.

Всё было как всегда, но к утру Моте(проститутку звали Матильдой) что-то стало плохо. Когда бутылку самопального коньяка мешаешь с литром палёной водки, это бывает. Я вызвал «скорую» и одел на неё ажурную проф-одежду. Причесал, умыл. Приехал врач, похожий на потного ангела смерти, бегло осмотрел Мотю в спальне и вдруг её повезли в больницу. Сопровождающим как самого трезвого взяли меня. Всю дорогу Мотя канючила у меня деньги и грозилась. Заплатили, мол, за час, а она всю ночь проработала, не смы-

кая ног. Я ей цинично пытался доказать, что 6 половых актов в среднем по 10 минут и дают в результате искомый час, за который мы ей честно и заплатили, а остальное время прошло в питье и беседах. Но Мотя капризничала, пускала, как бешенная собака, слюни и с восторгом кричала врачу, что её не обманешь. Врач интересовался, почём у неё минет, а водитель, у которого не было денег, его отговаривал. Вообще ехали весело, только в конце Мотя опять начала страстно стонать и своими стонами и блеваниям напомнила нам, куда мы едем.

В больнице её сразу куда-то увели, а мне сказали, чтобы я ждал. Чего ждать, я так и не понял. Через минут двадцать ко мне, ослепляя халатом, подошла непонятная старуха со злыми морщинами, видимо нянечка, и, равнодушно улыбаясь, сообщила:

– Поздравляю, у вас девочка. Вес 3 с половиной литра, то есть килограмма.

И она стала намекать на бутылку. Теряя от неожиданности сознание, я ей дал. Потом вышел на улицу, где с корточек поднимался новый день, а солнечные лучи уже рикошетили от витрин, и пронзительно подумал: «Вот, новый человек на земле родился!» И вдруг заплакал от жалости и горя. С пьяным со мной иногда такое бывает.

Почувяв ослабевшего человека, рядом со мной из утреннего воздуха материализовался нищий, босоногий, как Лев Толстой. Его изощренные лохмотья дышали поэзией, а сам

он дышал перегаром настолько густым, что об него можно было запросто стукаться лбом. Объятый скорбным ужасом похмелья, он поглядел на меня красным собачьим глазом и, называя братом, заученно попросил 20 копеек. Я дал денег и ему, и на душе немного отпустило.

Слеза комсомолки

Встречал я как-то с одной комсомолкой один рассвет. Рассвет завяз где-то в тучах и опаздывал. Жгуче светила луна. Как электрические столбы гудели ноги. Бесновались комары и комарихи и всей камарильей злобно нападали на нас. И безумно хотелось лечь и поспать. А ей было всё нипочём. Женщины, особенно нерожалые, чрезвычайно выносливы на встречах рассвета.

– Ты меня любишь? – выпытывала она у меня.

А я не знал, люблю её или нет. Если в человеке тебе нравится только его сиськи – это не повод для любви. Я сделал неопределённое, многовариантное лицо. Вроде как стесняюсь.

– Ну хоть немножко? – не успокаивалась эта комсомолка.

А я не знал, как можно любить немножко. Это всё равно, что немножко умереть или немножко забеременеть. Однако осторожно сказал:

– Ну если только немножко.

Она о чём-то задумалась, что было для меня непривычно. Мне не нравятся задумавшиеся девушки, обычно после этого они приходят к верным выводам относительно меня. И пиши пропало. И пока она не пришла ни к каким выводам, я опять полез к ней под юбку. «Хоть руку погрею»-утешал я себя. Дело в том, что она была девственницей, чрезвычайно

этим гордилась и всё боялась продешевить. Она ждала солидного обмена: девственность на успешный брак. Это был её единственный козырь в этой жизни.

Так что уламывать комсомолку было бесполезно – за ночь я в этом убедился. Шесть часов пыhtения и сизифовых усилий и даже до трусов не добрался. И после этого еще интересуется: «Ты меня любишь?» За что любить?

Комсомолка опять шустро сдвинула тёплые колени и заученно, как попугай, сказала – После свадьбы, после свадьбы.

Чувствовалось, что я был не первый и видимо не последний, кому она это говорит. Руку я, конечно, не убрал, но всё же остановил. Пусть попривыкнет к её присутствию, рефлекс выработается, а потом когда она успокоится и потеряет бдительность, двину руку дальше на неосвоенные территории. И так по квадратному сантиметру, завоёвывая её тело ниже пояса, доберусь до главного. Эту тактику медленного проникновения я применял всю ночь и на каждой лавке, но успехи ошеломляли своим отсутствием. Я понимал, что тактика ошибочна, но другой не имел. Не признаваться же ей в любви. Честнее изнасиловать.

Выше пояса дела продвигались успешней – на её груди скоро будут мозоли, а что толку?

Я закурил левой рукой и стал смотреть в её бездонные свинячьи глазки – тушь от поцелуев обсыпалась и обнажились реденькие и чахлые реснички. Фигурировали также

незначительный носик, развесистые щёки, в беспорядке расставленные зубы. «Сука ты, сука» – нецензурно подумал я и, отставив сигарету, снова полез целоваться, синхронно начав поползновения под юбкой. Но она была начеку и ко всему больно укусила меня за язык, а, укусив, довольно захихикала. Вдруг мне это всё надоело до смерти и я понял, что пора прощаться. То есть я понял это давно, ещё до свидания, но сейчас особенно отчётливо.

– Ну ладно, я пойду, – вздохнув, сказал я.

– А что рассвет встречать не будем? – поразилась она.

Вот так вот начитаются люди глупых книжек, посмотрят-ся лживых лирических комедий и начинают тоже вести себя по железной схеме, как зомби. А жизнь эти схемы с Принцами безжалостно и неумолимо разбивает. И Золушки остаются Золушками. А Принцессы на горошине вымерли ещё при царе Горохе. И вокруг нас живые и поэтому очень несовершенные люди. Идеализм – это медленное самоубийство. Мне стало грустно. «Таких идиотов убивать надо. – подумал я – Чтобы не мучились.» А ей сказал:

– Нет, любимая, рассвет мы встречать не будем.

Я торопливо и невнимательно проводил её до общежития, чмокнул в рот. Она занервничала, что-то шло не так, как в кино и стихах Асадова. Но мне было уже наплевать.

Я шел домой по призрачным серым улицам и чувствовал себя полным неудачником. Свинцовые яйца на каждый шаг отзывались болью, подтверждая, что я – неудачник. По пути

мне встретился рассвет, но я сделал вид, что его не заметил.

Через год я случайно увидел её. Она была всё ещё не замужем, но уже на сносях. Отцветшая такая. Куда что девалось.

– Привет, – сказал я.

Она заулыбалась. Причём искренне. Мне женщины редко так улыбаются. Обычно сразу смеются.

Мы поболтали о том, о сём. Учёбу и комсомольскую деятельность она забросила и собиралась возвращаться в деревню, поближе к сметане, а то здесь ни жилья, ни денег и вообще никого. Кто её так ловко запузатил, я спрашивать не стал. Видимо, тот, кто сказал ей «люблю».

– Мама-то знает? – поинтересовался я.

Она только горько вздохнула.

– Ну ничего – утешал я – На то и мама, чтобы прощать. А там родишь, осмотришься и выйдешь замуж за комбайнёра. Комбайнёры – надёжные ребята, не чета городским. Коровку заведёте, он сена наворует и заживёте с ним. И будет тебе счастье.

– Хорошо бы комбайнёра – стеснительно сказала она и кокетливо поправила натянутый, как тетива живот. На её ресничку, как улитка выползла одинокая слезинка. Я её вытер мизинцем. Она спросила про мои дела. Я ей что-то наврал в восторженных тонах.

– Ой, болтун! – засмеялась она.

Я поглядел, как она, неся живот, как флаг, перешла улицу

и словно камушек в воду булькнула в толпу на той стороне. И вдруг подумал – хорошо, что я – неудачник. Можно людям честно глядеть в глаза.

Ностальжи

И где ты босоногое детство? Когда деревья были большими и вообще ещё были. Впереди нищенская пенсия и опять же босоногая старость. Я здесь, конечно, фигурально. Босым ходить наверно не будешь, но как знать, как знать.

В остросюжетной фазе отрочества – задрочества я не понимал этот опасный, как бритва мир и ужасно мучился, как будто переносил на ногах роды. Сейчас немного понял, но от этого мучаюсь ещё больше. Правда не так остро, но зато более непрерывно что ли. Более всеобъемлюще. В детстве я полагал, что никогда не умру, это не про меня. А сейчас думаю, отчего я не умер в детстве, ведь шансы были.

А как насыщенно и вдохновенно жилось! Каждый день прятки, штандр и казаки – разбойники. Мы отращивали себе великолепные цыпки, играли с девчонками в медосмотры (эта игра была моей любимой), со свирепым садизмом дразнили местных олигофренов Колю и Серёжу, ловили на уду простодушную рыбу... А ещё мы играли в войну, но на душе у нас был мир. И как изумительно мечталось о складном ножике! Хотя, конечно, школа и отравляла нашу счастливую до неприличия жизнь. Там нас учили уму-разуму, учили несвободе. Что такое в сущности педагогика, как не изуверская лженаука превращения счастливых детей в несчастных взрослых? Что?

Но детство упылило, как красный мячик. Оно оказалось стремительным, как понос, и коротким, как юбка путаны. Оно, как вспышка молнии, после которой мрак. И могучая гармония жизни кончилась – началось половое созревание и половое перезревание. И этими прыщами выложена дорога в ад. И уже не слышишь волнующей мелодии жизни, дыхания флейты не слышишь. Вокруг одна угрюмая какофония и невнятный диссонанс, в которых главенствуют почему-то настойчивое хрюканье, звуки метеоризма и страстные простуженные выкрики «Моё!» Грустно, братья и сёстры! И ты уже матерый самец человека. Своя норка, куда приводишь понравившихся самочек, этих вероломных и ушлых исчадий, посещаешь водопой, протекающий в пивнушке, участвуешь в выборах вожаков, а также состоишь в какой-нибудь стае таких же козлов, как и ты. И вокруг единодушное двоедушие и это цементирует ряды.

А детям всего этого не нужно. Мир для них просторный, ласковый и с искрами, как июньское утро в лугах. Правда он и сейчас напоминает утро, но уже утро в борделе, когда все иссякли и всё противно, и от разочарования под глазами синие круги. И уже не смотришь на мир ребячьими глазами художника. Вернее смотришь, но уже злобными прищуренными гляделками художника-баталиста. Это – враги, здесь наши. Врагов к ногтю, своих к награде.

И ностальгия по детству неотступна, как качественная болезнь. Одна надежда, что в старости, если конечно аккурат-

но, без этой роскоши безбашенных поступков дожить, детство возвратится. И вот тогда-то от тебя отвернутся все.

Эх, дорогие братья и сёстры..!

О, спорт!

Со спортом у меня отношения так и не сложились, как я их не складывал. Они скорее вычитались. Посудите сами, ни бегать не могу, ни прыгать, ни упражнения на бревне сделать. А учителя физкультуры меня ненавидели с первого взгляда на мою вызывающе антиспортивную внешность – иллюстрацию к брошюре «Рахит у детей и его течение». Потом начинались веселые старты и я в полном блеске оправдывал их худшие ожидания – уверенно плёлся в самом хвосте.

Не понимаю я физкультуры. Смысла не понимаю. Бегать, прыгать, приседать – безрезультатно расходовать свою и так небольшую энергию в непонятных целях. Все говорят – гиподинамия. Это сколько денег нужно иметь, чтобы она была? Ведь постоянно крутишься, шустришь – какая гиподинамия?

Многое приходит в голову, много воспоминаний, как дерьмо всплывает в памяти... Как год не ходил на физкультуру, потому что тяжело болел. Такая была у меня справка. Учитель физкультуры, видя мой постоянно жизнерадостный вид, полагал, что я умелый симулянт и что с такой счастливой мордой люди не болеют. И что вы думаете? Через 25 лет выяснилось, что моя болезнь была врачебной ошибкой докторов – вредителей и я в то время был здоров, как гладиатор.

И учитель-то оказался прав! Ан прошлого уже не вернёшь. И хотя давно уже этот педагог безобразно спился и в отношении меня было ещё много всевозможных ошибок, а вот поди ж ты, всё вспоминается этот далёкий и глупый случай.

Или построение. Прекрасный осенний денёк. Всюду солнце, ликующая свежесть и курлычат, направляясь отдыхать на юг, перелетные птицы.

Но всегда находился в предыдущем школьном выпуске один, не побоюсь этого слова, гандон, которому было больше всех надо и который писал учителю физкультуры из армии. Смысл письма – хорошо вы нас гоняли на физ-ре, Илья Ильич, но мало. Побольше надо. В армии, мол, это удивительно как пригодится. Добрейший Илья Ильич гордо зачитывал письмо перед строем, сморкался и говорил:

– Так что, ребята вместо пяти кругов сегодня восемь.

И мы, высунув языки и давая себе страшную клятву начистить этому писуну рыло, бежали восемь кругов. Стоит ли говорить, что всех дальше язык был высунут у меня.

С омерзением вспоминаю, как я бежал лыжный кросс... Я в принципе и до этого бежал этот кросс. Но тогда всё было замечательно. Идёшь на лыжах, идёшь, чувствуешь – слегка утомился. Заехал за куст, выкурил сигаретку, а потом срезал лыжный круг наполовину. Но с этими срезаниями я все-таки погорячился и поэтому пришёл к финишу с результатом мастера спорта и даже не вспотел. Награды мне, конечно, не дали, а поставили двойку. И вот я и ещё 4 залётчика вроде

меня бежали этот кросс повторно. Чтобы мы не срезали углы, вокруг были выставлены дозорные из школьных жополизов. А уже весна, а на трассе уже частично не снег, а чернозёмы. И ты на лыжах по этим чернозёмам прокладываешь, как трактор, первую борозду. Тяжело шли. Одного снега вдоль трассы я наверно съел килограмма два. Прямо жор напал. Как я не умер на дистанции, до сих пор не пойму. Уцелел просто чудом.

Игра ещё такая спортивная есть. Футбол называется. Участвовал пару раз. Странная она какая-то. Там главное метко пинуть мяч и забить пресловутый гол. Я долго и исто-во носился по полю, но мяч ко мне не попадал. И я этому тихо радовался. Если бы он попал ко мне, то обнаружилось бы моё полное бессилие его укротить и стреножить. Он такой небольшой и отскакивающий под произвольными углами. Для моих бестолковых ног, у которых плохая связь с головой, задача архисложная. Я уже надеялся, что всё закончится благополучно – мяч сам по себе, я сам по себе и мы с ним так и не пересечёмся. Однако пересеклись. К концу первого тайма мяч всё – таки попал ко мне. И даже не ко мне, а в меня. Защитник противника из всей своей огнедышущей силы вдарил по мячу, а в двух метрах от него суетился, изображая активность и волю к победе, я. И прямо в мой неумный лоб. Очки прыснули в разные стороны, но и они не смягчили удара. Я лежал в глубоком нокауте. Меня взволнованно обступили со всех сторон. Одни предлагали сделать

мне искусственное дыхание, но не знали куда.

Более прагматичные предлагали оказать не первую, а последнюю помощь, т. е. добить. Всё равно, мол, не жилец. Наконец мне обрызгали лицо водой из лужи и за ногу отволокли в сторонку, где я лежал и медленно приходил в себя. И даже не приходил, а приползал.

Хоккей мне нравился больше. Это более приткая и юркая игра. Шмыг, шмыг и гол. Но моя спортивная карьера складывалась очень трудно.

Меня преследовали травмы. Как это у Хэмингуея написано: «По ком звонит колокол? Колокол звонит по тебе». По твою смуглую душу. А куда летит шайба? Правильно. Тоже к тебе. В этот момент ты падаешь, коньки чрезвычайно скользкие, поднимаешь своё доверчивое лицо и тут шайба и прилетает. Искры из глаз такие, что хоть прикуривай. Всё это, конечно, расшатывало мои нервы, не говоря уже о зубах. Но как спортивная оздоровительная игра хоккей очень хорош. Эти броски, когда они не в мою сторону, обводки, скоростные комбинации... Но потом меня стали больше интересоваться комбинации женские и я ушёл из большого и малого хоккеев. Тем более мне всё труднее было найти дураков, которые бы взяли меня в свою команду. Кому охота проигрывать?

Боксом я принципиально не занимался. Ехать на секцию через весь город, чтобы там тебе набили морду? Ты выйди вечером из подъезда, зайди в подворотню и получишь то же

самое. И ехать никуда не надо. В лёгкой атлетике я также бесповоротно разочаровался после того, как она разочаровалась во мне. И, кстати, ничего лёгкого я в ней так и не обнаружил. Про лыжи я уже рассказывал. Про волейбол тоже, а если нет, не беда – там тоже не получилось. Единственная игра, в которой я мало-мальски преуспел – это шахматы. Однажды я даже выиграл у мастера спорта. Вот так. Мы тоже не лыком шиты. Правда, как потом выяснилось, у мастера спорта по самбо. Ах, если бы я знал это раньше!

Я бы конечно тогда не стал воровать с доски ту злополучную ладью... Но зато теперь я умею безошибочно предугадывать сырую погоду благодаря вывихнутой во время того шахматного поединка ноге.

В общем как я не дружил со спортом, спорт со мной дружить категорически отказывался. Но сдаваться не в моих правилах. Сейчас я занимаюсь спортивной охотой и спортивным браконьерством. Правда, что здесь спортивного, я ещё не выяснил. Но сам процесс мне нравится. Особенно привалы с приёмом допинга. На охоте тоже соревнуешься, только со зверями, а также с грубыми животными, которых называют егерями и лесничими. Нужно добыть зверя и при этом не попасться самому. Но травматизм, конечно, существует. Например, охота на медведя. Как уже отмечалось правее и выше, бегаю я из ног вон плохо, а на охоте на медведя, если промахнешься, быстрый бег по пересечённой местности – незаменимая вещь. В общем сходил я на медведя, а потом целых

три месяца ходил только на «утку». Но даже когда медведь ломал и мял меня, как падшую женщину, я не утратил при-
сущего мне удивительного мужества и хладнокровия и про-
должал бороться. Резко провёл ему один удушающий приём.
Штаны, правда, потом пришлось выбрасывать, но медведь
стал ощутимо задыхаться. Носом он дышать не мог, а рот его
был занят... Тут к счастью слезли с деревьев другие охотни-
ки и застрелили зверюгу, а потом мёртвого добили прикла-
дами.

В основном же я охочусь на зайцев, из-за мяса. Но в по-
следнее время не хожу. Стыдно. С деньгами стало полегче
и вопрос с питанием потерял свою остроту. А убивать зай-
цев просто ради терпкой романтики убийства как-то нелов-
ко. Поэтому не хожу. Пускай живут. Если и мне на земле на-
шлось место, то им и подавно найдётся. Так что бога ради.
Тем более что бегают они лучше меня. Спортивные такие.

Анджело

Люди без чувства юмора будут наверно смеяться, но я почему-то убеждён, что если человека, как какого-нибудь породистого графа, посадить лет этак на 25 в одиночку и ограничить культурную программу в этой одиночке до нуля, то даже и в этом форс-мажорном случае он может написать о своей жизни в камере увлекательный роман. Я не имею здесь ввиду полубезумного Ленина, который «вечерял» в камере чернильницами. Я про другое. Сюжет, навскидку, о своей на-пример верной и трепетной дружбе с пауками, живущими в каземате. О милых солнечных лучах, раз в день простреливающих камеру. Или о клопах там, вшах. Чем не тема? Если, допустим, писать о вшах, то сюжет можно в прямом смысле брать из головы – их непосредственной среды обитания.

Так что при наличии таланта и выкованной воли можно начирикать. А при наличии связей даже и издать. Найти своего благодарного и близорукого читателя. Или чужого найти – всё равно.

Я, конечно, в одиночке не сижу, а живу, увы, среди так называемых людей и скажу откровенно – они не менее интересны пытливому взору, чем пауки и мокрицы. Особенно в период размножения и брачных игр. И вокруг столько невероятных и загадочно – порочных людей, что возникает даже оторопь, как от кислого яблока. Как о них не напи-

сать? Умрут ведь и никто не вспомнит их особенку. А сколько красивых до жути женщин с натруженными половыми органами? А сколько «синих чулков», погибающих от одиночества?

Взять ту же работу, которая сама по себе до изумления противна, но соратники – то, соратники! О каждом можно, не задумываясь, накропать повесть, а о некоторых даже небольшой роман. Я, правда, не пробовал, но нутром чую, что можно. Роман ведь не штаны – материала хватит. Один из нас отчаянный рассказчик, очернитель реальности правдой. И каждая его история, как сказка с «жили – были» начинается с роковых слов «нахуярился я один раз». И дальше следует фейерверк апокалиптических и неизбежных событий. Другой с точностью до градуса предсказывает, как пифия, погоду. К ненастью и измороси у него нездоровится левой ногой, к вёдру у парня свербит, тянет и топырит правую... Когда же грядёт неустойчивая погода, у него, как вы уже догадались, ломают и отнимаются яйца. Такой вот своеобразный барометр.

Или взять Анджело... О Анджело! Утешение моего сердца, летящее на общипанных, но белых крыльях утра!

Этот смуглоликий итальянец из пропахшей зноем и не нашей эрой далёкой Сардинии. Ему уже 54 года, но несмотря на это, он сохранил гибкость ящерицы, юношескую статью и крепкий разум ребёнка. Время не отчеканило на его лице морщин, а в голове извилин. Как он жил, что годы не оста-

вили на нём своих печальных улик?

Жизнь, крупно говоря, театр и даже балаганное представление и у каждого из нас, как у актёров и шутов есть своё незримое амплуа, которому мы, как ни бесимся, а покорны. Нас окружают пылкие импотенты и тоскливые дятлы, роскошные идиотки и горькие мечтатели, вдумчивые дегенераты и скромные сволочи, восторженные простофили и ненасытные мозгоклюи, гнойные доброжелатели и кипучие лентяи, волки в овечьей шкуре и овцы в волчьей, честные «давалки» и нечестные «бралки», Спинозы стоеросовые и породистые выродки... Одним словом, всех не перечесть. Амплуа Анджело я понял относительно быстро. Этот тип людей я для себя обозначаю как «неувядаемый долбоёб». Конечно, ни один живой человек не укладывается в мёртвую схему, но всё же...

Выпивка и женщины – вот его главные ориентиры в ласковой, но беспощадной действительности. Энергия Анджело кипуча, как шампанское и неиссякаема, как человеческие беды. Я никогда не видел его уставшим. Английского и русского он знать не знает, но как – то общаемся, понимаем друг – друга по выражению лица. Ключевые слова «джаги-джаги» и «чупа-чупс». Кто говорит ему это «джаги-джаги», что значит волшебное «потрахаться», или «чупа-чупс», что значит милый его сердцу оральный секс, сразу становится для Анджело верным другом.

Блокнотик Анджело, как с похмелья опух от телефонов

проституток и различных кокоток. С проститутками, пропахшими, как ямщики, водкой Анджело легче – те работают по тарифу и ты просто берешь их некрасивое тело в прокат. С так называемыми порядочными женщинами всё безнадежней. Кроме своего тела они ещё пытаются всучить вам свою мерзкую душу и называют всё это истасканным по постельным пружинам словом «любовь». Они потаённо циничны, сказочно хитры и ненасытны, как больной селитёром. Они ведут себя, как лошадиные барышники и не дай бог вам попасть в их руки.

А стоило пообщаться с Анджело 5 минут (проницательным хватало и 5 секунд), как все понимали – такого лоха грех не использовать. И у порядочных женщин обнаруживалась масса проблем – нечем кормить детей, неудачи с жильём, ву-смерть больная мама и т. д. и т. п. И Анджело «раскручивали», как юлу. А он был доверчив и относился к людям, как говорится «с восторгом первой любви». Так что, кто угодно мог внушить Анджело что угодно. Кроме того, эти женщины постоянно воровали его мобильные телефоны, деньги и документы. И у Анджело отнималась нижняя челюсть от наших чистосердечных волчьих нравов. Обворовывали его и люди незнакомые. Когда Анджело появлялся на местном рынке, карманники бежали к нему гурьбой – кто первый успеет.

А однажды в ночном ресторане к Анджело подошла щепетильная девушка в белых носочках и очках, с томиком Гегеля под мышкой. Она попросила у Анджело телефон, мол

нужно позвонить умирающему папе. Анджело растрогался, как старый еврей на пасху и дал. Стоит ли говорить, что больше ни своего телефона, ни этой девушки он не видел.

И в лексиконе Анджело кроме «джаги-джаги» и «чу-па-чупс» появилось ещё одно слово «али – баба», что значит вор.

Опошляя шантажом чистые и отчасти целомудренные отношения с клиентом – пользователем, не упускали своего и проститутки. Проплатит Анджело, как честный человек, за окаянную ночь, полную земных восторгов, с продажным телом, а у прокуренной путаны утром появляется татарский блеск в свинцовых от бесстыдства очах и она заявляет – давай мол ещё 100 \$, а то пойду в милицию и накатаю на тебя, что ты меня, напоив, изнасиловал туда – то и туда – то. А для Анджело проблемы с милицией – это лишение визы и самолётами, пароходами и поездами депортация в родные пределы. И он, испуганно ругаясь, платил.

Анджело в сущности был большой ребёнок, хотя и с увесистой пиписькой. И ещё, что отличало его от ребёнка, так это ослепительная, как свет звезды, и какая – то даже праздничная тупость во всём, что касалось работы. Эта тупость была фундаментальна и чиста, как храм и ничто, вроде проблесков логического разума не оскверняло её. Она была изумительна в своей перевозчанности и даже внушала лёгкое уважение. Анджело и фамилию носил под стать уму, что говорило о том, что малокровный интеллекту него наслед-

ственное. Сеньор Мелони. Если перевести с певучего итальянского на шипящий, как автобусная дверь, русский, то это означало Сеньор Дыня. В принципе нормальная крестьянская фамилия, но как не крути, овощ есть овощ.

Впервые я догадался (хотя и раньше несмелые предпосылки были) с каким светильником разума имею дело, когда, отработав неделю, Анджело, заседлав свой кургузый нос дальнорезкими очками (единственная дань возрасту), воззрился на компьютер и гордо признался, что он всё прекрасно, хотя и не совсем понял – и схему завода и процессы парообразования и возврат конденсата, даже одну формулу... Единственное, что он никак не может понять, в чём основная загвоздка – это как переводить килограммы в тонны и наоборот. Он, мол, привык работать с тоннами, а тут всё в килограммах, и по логике между ними должна существовать какая – то связь и зависимость. Или он ошибается? Килограммы и тонны каждые сами по себе? «Дуру включает» – пришла ко мне ошалелая мысль, но я заблуждался. Анджело был простодушней папуаса. И как он мог «включить дуру», если она у него никогда не выключалась?

– Ну как? – промямлил я – Как обычно, делишь на тыщу и получаешь тонны.

– Нет, – с лучезарностью в голосе сказал Анджело – ты мне формулу напиши.

Всё ещё отказываясь верить, я нацарапал ему на листочке « $1\text{ т} = 1000\text{ kg}$ ». На следующий день история повторилась –

Анджело успешно потерял листочек, а его голова по устройству напоминало сито и не могла удержать никакой мелкой информации.

Шесть недель Анджело работал, сидел за компьютером, тупо вдохновлялся над схемами, стараясь что – то запомнить и внедрить в хилую память, а потом уезжал отдыхать и релаксировать в свою Сардинию. И всё. Чем он там занимался и что пил неизвестно, но за это короткое время он всё, чему учился здесь, до малейших подробностей благополучно забывал. И по приезду он опять учил с нуля, потому что в его голове было снова безмятежно – чистое и невозделанное поле. И даже вековая целина, ликующая цветами.

Но потом он даже в Сардинию перестал ездить, видимо не к кому. Жена выставила под зад коленом, дети большеенькие, друзья отвернулись, как от неудачника... На отдыхающую вахту Анджело оставался здесь у нас, заинтригованный дешевизной шлюх и алкоголя.

А как он охотился на зайцев! Когда мы ехали багровыми вечерами на работу по пропахшей одиночеством степи, на одном и том же повороте всегда мистическим образом сидел заяц и делал вид, что его не видно. Нам молодым был по барабану этот заяц. Мы бы и на жирафа не обратили внимания. Но только не Анджело... Изловить зайца была его горячая мечта и даже дело чести. Завидя сидящего зверя, Анджело со стоном хватал шофёра за рукав. Шофёр как копытом, бил ногой по тормозам. Таясь, с судорогами азарта на лице,

Анджело вылезал из «газели» и на вкрадчивых шпионских цыпочках начинал подкрадываться к грызуну, заранее вытянув для поимки руку. Заяц, недоумевая от этих наивных помыслов, естественно убегал. Тогда Анджело стал возить с собою камни, но попасть было невозможно. «Порка мадонна!» – горестно стонал Анджело, поражённый в самое сердце стрелой неудачи. На работе он нашёл поясной фотопортрет зайца в Интернете, долго его разглядывал. Размышлял. И наконец его осенило. Потом он гордо поделился своим зоологическим открытием. Он понял, что благодаря врождённому косоглазию, заяц видит только то, что по бокам, а что перед его носом нет. Поэтому надо подходить к нему спереди, где он не видит, и просто брать его за уши. И Анджело горячо, пенясь гневом, защищал свою революционную теорию от нашего смеха.

И даже поделился ею с нашим боссом, тоже итальянцем. Хотел, видимо, козырнуть своей смышленостью. Босс, услышав такие новости, надолго загрузил, а потом распорядился не оставлять Анджело на пульте управления одного, а только со старшем – как бы он не натворил бед.

Со своими задатками Анджело лучше всего было лежать под сухим и страстным солнцем Сардинии в тени апельсинового дерева, в белой праздничной рубаше, с весёлой жопастой девкой, с бурдюком вина и верной гитарой. И распрямляя душу от скрипучей телеги невзгод, перемежать выпивку, песни и интимные близости. Жить здоровой человеческой

жизнью без этих адских излишеств типа работы, нехватки денег, выволочек начальства. Каких-то липких интриг...

Впрочем и у Анджело иногда случались кратковременные, как порыв ветра, плохие настроения. Но надолго зафиксироваться на этом состоянии он просто не мог физически. В такие минуты Анджело начинал бурчать себе под нос. Что то про своего соотечественника Джан-Франко, который методом большого кнута безуспешно пытался его чему-то научить. А также про одного зловредного серба, который его постоянно «закладывал» начальству.

Правда Джан-Франко уже четыре месяца как уволился из нашей шараги, но в мозгу Анджело сей факт ещё не успел запечатлится и поэтому он об этом постоянно забывал, а может помнил, просто всё не мог успокоится. Ну а насчёт серба Анджело как в воду глядел. Именно этот серб, как Иуда Христа, в последствии продал Анджело и ему пришлось уезжать в Сардинию навсегда.

А так Анджело глядел на мир просто. Все люди у него делились на «фашисто», «комунисто», «мафиози» и «педерасто». Себя он относил к борцам за независимость Сардинии. Примерно раз в месяц он смотрел по телевизору новости, после этого очень любил поговорить о геополитике, о соотношении сил на международной арене, о других берегах. Во всём этом он ни черта не смыслил. К алкоголю Анджело относился тоже безрассудно. Так к шоколадным конфеткам относятся дети. Сидим, допустим, в кафе, разливаем водку.

Анджело свою рюмку, не дав поверхности успокоиться, молниеносно выпивает. Тут тост, а у Анджело уже неналито. И ему наливали снова. А когда жажда пронзала его пятки, он поступал совсем бесхитростно – приводя в трепет других посетителей, Анджело брал со стола бутылку и раскрутив её против часовой, пил водку прямо из горлышка.

Все очень любили Анджело, его открытое солнечное сердце. Да и как его не любить – всегда что – то поёт, никому не делает и даже не планирует зла, никаких даже мелких камушков за благородной душой. Когда ты с Анджело, мир становится интересным, как порнографический журнал и отчасти сказочным. И даже каким-то нежным. И Анджело глядел на этот мир без этих взрослых предвзятостей и популярных извращений – «жизнь не удалась», «как жить дальше», «я так одинок». У детей таких грустных мыслей никогда не бывает. Это потом с ростом воспитанности начинается. А Анджело застрял в силу неизвестных причин на отметке 5 лет. Все его ровесники давно обзавелись сытыми животиками, мудрыми лысынами и респектабельными хроническими болезнями. Эти уроды давно остепенились на милость приличиям, жизнь их укротила. А Анджело, казалось, только начинает жить и в его груди ещё полыхали все зори этого мира, созданного для любви, улыбок и танцев вприсядку.

Я редко завидую людям, но Анджело я завидовал. А как ещё прикажете относиться к единственному нормальному человеку среди моих знакомых. Нормальному – значит счаст-

ливому.

Самый красивый

Когда я, вынашивая планы поужинать, возвращался из магазина, то увидел Серёгу. Он шёл встречным курсом, погруженный в курение сигареты. Завязался слабый разговор. Я уже хотел прощаться, никакие разговоры не заменят ужин, как Серёга неожиданно замялся и со значением посмотрел на меня.

– Слушай, – он замялся ещё больше – Хочу тебя с одной бабой познакомить. Медичка. Одна. С квартирой.

– Сильно страшная? – понуро поинтересовался я.

Серёга подумал и ответил, что не сильно. Но описал её очень конкретно.

– Она так, ничего... – сказал он. Это «ничего» звучало очень весомо. И он даже что – то нарисовал руками в воздухе. Охват рук мне не понравился.

– Толстая что ли?

– Да нет, худая. Чёрненькая такая.

С медичками я уже сталкивался. Буквально на днях. Самые циничные бабы.

– А муж ничего, ругаться не будет? – продолжал кокетничать я.

– Какой муж? Говорю же, незамужем. И не была. Но очень мечтает.

От этой новости у меня почему – то заныли зубы.

– Вряд ли я ей понравлюсь, – с лицемерным равнодушием сказал я – Сам подумай. Морда кирпича просит. Ни денег, ни жилья. Говорю разную чушь. Такой поворот событий Серёге видимо в голову не приходил. Он взглянул на меня новыми глазами.

– Не знаю – сказал он менее уверенно – Пострижёшься, я тебе пиджак кожаный дам. Будешь побольше молчать. Без этих анекдотов.

СТИШОК КАКОЙ – НИБУДЬ ЗНАЕШЬ?

– Нет, – сказал я.

– Выучи – настоятельно посоветовал Серёга – Она книжки любит.

Он вдруг истолковал мои сомнения по – своему.

– Но ты не думай – я её не трахал. А то ещё подумаешь.

– Да я не думаю – сказал я.

– Но она ничего – тупо повторил Серёга – Я бы её с удовольствием вместо жены... Подруга её.

– Запретный плод сладок – подтвердил я.

– Вообще – оптимистично подытожил он – Хочу тебя женить. Таким тоном обычно говорят, хочу тебя убить. Мол, ничего страшного.

Мы стали прощаться. Я обещал ему звякнуть.

– А ты что, всё с малолетками зависаешь? – вдруг спросил Серёга. По игривому тону я понял, что речь, видимо, шла о малолетках женского пола. Но я уже недели две ни с кем не зависал. А последняя малолетка у меня случилась ещё в ин-

ституте. Кто – то его неверно информировал. Однако, чтобы не огорчать, я сказал:

– Да, всё с ними. Прямо не знаю, куда деваться.

Но Серёга огорчился.

– Эх, – провозгласил он – Хорошо быть холостым.

С этими знаменательными словами он погрузился в подъехавший автобус. А я погрузился в невеселые думы. Какая – то баба в этом городе озверела от одиночества. Даже, если я ей не буду слишком отвратителен, ничего хорошего это не предвещало. Одинокие люди крайне редко находят общий язык. Только в кино. Других они боятся. Внешний мир их пугает и они уходят от него опять в свой внутренний. Хотя по идее должно быть наоборот.

Но тем не менее после некоторых утрясок и согласований эта встреча в верхах состоялась. Я пошёл на нее, надеясь неизвестно на что. Она видимо надеялась на то же самое. Я прифрантился, принёс литр водки, коробку конфет и всю дорогу, то есть встречу молчал, чтобы не испугнуть. Я часто жалею, что сказал лишнее, но ни разу не жалел, что промолчал, даже если промолчал лишнее. «Ну а что она?» – спросите вы. Она была ни то ни сё. Как впрочем и я. Ко всему, она оказалась не медиком, а библиотекарем при больнице. Выводы делайте сами. В её глазах при виде меня разлилось целое море скепсиса, она даже откровенно покрутила носом. Так что в прозорливости ей нельзя было отказать. Весь её облик говорил «Я так и знала».

Захмелевший Серёга пытался втянуть меня в общий разговор.

– А знаете, как он любит читать! – старался он воодушевить присутствующих, расхваливая меня, как залежалый товар – Как любит поэзию! Коля, прочитай нам своё любимое стихотворение! Ну то, помнишь...

Эта ситуация мне слишком напомнила детские утренники, где меня заставляли читать стишки, видимо сработал рефлекс и я автоматически прочел:

– Наша Таня громко плачет,
Уронила в речку мячик...

Ну и там дальше. Про то, что мячики не тонут.

Наступила неловкая пауза, потом всё с натугой заулыбались.

– Это ваше любимое? – спросила она.

– Да, – гордо ответил я. Терять мне было нечего.

– Хороший вкус – с сатирическими интонациями рассмеялась она. Двух зубов у неё не хватало.

После моего выступления все почему – то захотели выпить. Видимо это был катарсис, только с отрицательным знаком.

Дармовая водка пьётся на удивление хорошо и скоро мой литр исчез в небытие. Но всё же он оказал ощутимое влияние на присутствующих. Особенно на библиотечаршу. Она

раскраснелась и обмахивалась платочком. Глаза её мало – помалу начали блистать, губы сквернословить и глядела она на меня уже более осмысленно. Море скепсиса постепенно высыхало и осталась так, лужица. «Нормально», – подумал я и, поняв что нужно, сбегал ещё за водкой.

Дело кончилось тем, что я пошёл её смеющуюся и пьяную провожать и трахнул прямо в палисадничке. Чтобы сделать ей приятное и создать хотя бы минимально романтическую обстановку, я выбрал место под берёзкой. Хотя не исключено, что это было другое растение – темнота так обманчива. Во время прелюдии к таинству траханья она путала меня с каким – то Никодимом, но я давно не обращаю внимания на такие мелочи. Потом она как – то странно притихла. Когда я закончил свои нехитрые мужские дела, я понял причину. Короче, мне пришлось её будить. Но на такие мелочи я тоже давно не обращаю внимания, хотя, не скрою, я ожидал, что она с большим энтузиазмом откликнется на мой любовный пыл. Но делать нечего, под моим руководством она надела трусы, я довёл её до квартиры и сдал на руки какой – то старухе, видимо матери.

А через два дня, узнав в справочной телефон, я ей позвонил. Она долго не могла понять, кто ей звонит, а когда поняла, сразу взяла визгливый тон.

– Ну что ты мне звонишь?! Я же сказала Сергею! И вообще за кого меня принимают? За дуру? Тебе что, Сергей не говорил?

– Ничего он мне не говорил, – растерялся я.

– Я же ему сказала, что ты не в моём вкусе. Что ты на любителя. Понял, придурок? И оставь меня в покое!

Всего я ожидал, но только не этого. Этого тона. Этой брезгливой агрессивности и непонятной ненависти. На такие мелочи я до сих пор не могу привыкнуть не обращать внимания. Что я ей сделал? Ну не нравлюсь, сказала бы культурно. Я человек смекалистый, понял бы. И я ей позвонил всего один раз, а у неё такая истерика, как будто я её преследую пол года.

Тем не менее я глупо промямлил:

– А как же палисадничек? А как же берёзка?

– Какой ещё палисадничек? – злобно удивилась она – Какая ещё берёзка? Саксаул недоделанный! Ты лучше в зеркало на себя посмотри!

– и с этими словами моя библиотекарша гневно бросила трубку. И чему их там в библиотеках учат?

Полчаса я лежал в полнейшей прострации. Почему – то пахло палёным. Видимо это обида жгла душу. И вдруг я догадался об одной вещи. Я понял, что она ни хрена не помнит, что было в палисадничке. Алкогольный склероз. В принципе это ничего не меняло. Тем не менее я немного взбодрился, восстал с одра и подошёл по её совету к зеркалу. Всмотрелся в знакомые черты и сказал своему отражению:

– Всё равно мне папа говорил, что я самый красивый. К вечеру стало легче. «Ничего, – утешал я себя, – боженька её

накажет».

А через полгода я узнал, что она вышла замуж. Серега рассказал. Там оказывается случилась целая история. Библиотекарша, как выяснил Серёга у жены, была не такой уж невинной овечкой, а скорее игривой козочкой. Вообще, всё это время она имела любовника, бывшего прапорщика, разжалованного за пьянство. Я ещё удивился-это сколько надо пить, чтобы тебя выгнали из армии и за пьянство. Но дело не в этом. Встречались они, встречались и как не применяли контрацепцию, библиотекарша неожиданно «залетела». И на старуху бывает проруха. С прапорщиком её родственники провели воспитательную работу, пообещали машину и он, скрепя сердцем и проклиная китайские презервативы, дал согласие на свадьбу. И Серёга начал рассказывать, как на этой свадьбе ему злые люди набили морду.

– Подожди, – прервал я описание драки, – а мужа не Никодимом зовут?

– А ты откуда знаешь? – удивился Серёга.

– Да так, – сказал я и ощутил холод в груди, как будто там рассасывалась мятная конфетка.

Прошли годы. Я время не засекал, но пять лет точно прошло. И однажды в магазине я её встретил. Она меня, конечно, не узнала, хотя в силу ряда экономических причин на мне была та же одежда, что и в тот вечер, пять лет назад. Я же её узнал сразу, хотя она и сильно раздобрела. Из худенькой, угловатой девушки она превратилась в толстую кругловатую

бабу. Библиотекарша стояла в очереди в бакалею, а рядом с нею тёрся и держался за подол небольшой ребёнок мужского пола. Я зашёл с другой стороны и поглядел ему в лицо. Мальчонка был довольно страшненький и худосочный, совсем как я на детских фотографиях. И такое же беспомощное выражения лица. В ушах у меня зазвенело. Странно, как другие не слышали этого звона. Мальчонка тем временем отпустил мамкину юбку, уверенно прошлёпал сандаликами к отделу игрушек и стал разглядывать гоночные машинки. Повинуясь какому – то порыву, я приблизился к нему, погладил по нежной белобрысой голове и, пока он не успел испугаться моего вида, сказал ему на ухо:

– Всё равно ты самый красивый, сынок.

Погладил его ещё раз и вышел.

Больная тема

Я плохо переношу боль. Низкий болевой порог, знаете. Где-то в области отрицательных значений. Всем хорошо, а мне почему – то больно. А может причина – полнейшее отсутствие мужественности. Не знаю. А тут у меня от прожитых лет начали портиться и разрушаться зубы и их нужно было как – то лечить и реставрировать, а то улыбка уже стала неприличной и вызывала у людей оторопь и грусть.

Ходил я к стоматологу Паше – молодому симпатичному специалисту. Парень он в целом был очень неплохой, если не принимать во внимание профессию. Мы с ним даже слегка подружились и часто болтали о том, о сём. Но ремесло незримо разрушало его личность.

– А-а, пришёл, – говорил он на правах друга и потирал руки – Ну садись, садись – продолжал он таким тоном, как будто приглашал за праздничный стол.

Я сердечным содроганием усаживался в кресло и мысленно прощался со своей глупой жизнью. Везучие умирают под ножом хирурга, а я умру под сверлом дантиста.

– В туалет сходил? – с суровостью спрашивал Паша – он всё боялся, что я обоссу ему зубоврачебное кресло.

– Сходил. И по маленькому и по большому. – уныло докладывал я.

– Завещание написал? – уже в шутку продолжал он – Сей-

час мы из тебя Павку Корчагина будем лепить. Будем тебя учить разговаривать по – китайски. Ну клади голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.